## Макс ВЕБЕР*

# СОЦИАЛИЗМ[1]

Теперь о другой ошибке, которую часто делали не сейчас, но в более ранних спорах о социализме. Уже давно вошло в обыкновение, и не без основания, начинать (как это обычно делают в партийной борьбе многочисленные оппоненты социал-демократов) со следующего упрека по адресу рабочих – со ссылки на профсоюзных руководителей: «Ведь это, фактически, люди, живущие в буквальном смысле слова на рабочие гроши в гораздо большей степени, чем предприниматели живут за счет моих копеек. Я плачу им. Но именно по этой причине я могу на них положиться: они от меня зависят, и я знаю, что они должны представлять мои интересы. Мое мнение по этому вопросу неизменно и это стоит нескольких медяков».

Сейчас люди стараются в этом плане не доверять классу интеллектуалов, штампующему повсеместно призывы, лозунги и – можете вы сказать для утешения – фразы, которые заимствуются всеми без исключения партиями, включая партии слева и социал-демократическую партию. По моему мнению, следует особенно приветствовать то, что в Германии к профсоюзам проявляется такое хорошее отношение. Вы, однако, можете занимать любую, какую вам заблагорассудится, позицию к профсоюзам. Они тоже допускают просчеты со своей стороны. Тем не менее такое отношение к профсоюзам было разумным с военной точки зрения, поскольку они представляют нечто, имеющее также характерные черты воинских соединений.

Думайте что угодно о забастовках. Обычно они являются борьбой за собственные интересы, заработную плату. И все же часто не только за заработную плату, но также и за идеалы – за честь (как рабочие ее понимают), причем каждый человек требует для себя то, что должно под этим словом подразумеваться. Чувство чести, товарищества среди трудящихся одной фабрики, одного цеха связывает их воедино и конечный анализ подтверждает, что на этом же чувстве,

---

* Макс Вебер (1864 – 1920) – крупнейший немецкий социолог, историк, экономист. Идеи М. Вебера оказали значительное влияние на развитие социологии, прежде всего, благодаря разработанному в ней категориальному аппарату.

[1] Публикуемая работа – выдержки из «Речи для общей информации австрийских офицеров в Вене (1918 г.)» Перевод сделан по изданию: *Weber M.* Gesammelte Aufsätze zur Soziologie und Sozialpolitik. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1924 / Пер. с нем. В.А. Гуторова.

но в ином плане, основывается солидарность в воинских соединениях…

Чистокровный американский рабочий-янки находится на высоком уровне заработной платы и образования. Американские рабочие получают больше, чем многие преподаватели американских университетов. Они имеют все внешние атрибуты буржуазного общества: появляются в своих цилиндрах со своими женами, манерам которых, быть может, в чем-то недостает savoire faire и элегантности, но, во всяком случае, они мало в чем уступают всем прочим дамам. В то же время иммигранты из Европы вливаются в низшие классы.

Итак, когда я садился в компании с таким рабочим и говорил ему: «Как же вы можете позволить, чтобы вами управляли люди, которые, достигая должности при вашей помощи, естественно, идут на все, чтобы выколотить из своего поста как можно больше денег, поскольку они обязаны своей должностью партии и платят так много из получаемого жалованья партии в виде взносов, а затем должны оставить свой пост через четыре года, не дослужив до пенсии? Как же вы допускаете, чтобы вами управляла продажная публика, известная тем, что она ограбила вас на сотни миллионов»? Время от времени я обычно получал характерный ответ, который я повторю слово в слово во всей его пикантности: «Это не имеет значения –денег хватает и для воровства и их остается достаточно для заработка остальных, в том числе и для нас. Мы следим за этими «профессионалами», этими гражданскими служащими и мы подозреваем их. Но когда должности займет обученный, квалифицированный класс, как в вашей стране, тогда они «положат глаз» на нас».

Именно это имело решающее значение для этих людей – страх, что может появиться такая же бюрократия, какая теперь существует в Европе, класс имеющих университетское образование, специально обученных гражданских чиновников…

…Если рабочий пойдет сегодня к предпринимателю и скажет: «Мы не можем жить на такие заработки и вы могли бы платить нам больше», в девяти случаях из десяти (я имею в виду мирное время и те отрасли, где действительно имеет место жестокая конкуренция) предприниматель оказывается вынужденным доказать рабочим на основе своих конторских книг, что это невозможно: мой конкурент платит такую-то и такую-то зарплату. Даже если я буду платить вам больше, весь доход, который я мог бы выплатить пайщикам, исчезнет из конторских книг. Я не смогу продолжить дело, поскольку не получу кредита от банка.

В таких утверждениях очень часто звучит голая правда. В этом заключен дополнительный аргумент – давлением конкуренции доходность предприятия зависит от того, насколько человеческий труд

устраняется трудосберегающими машинами, в особенности высокооплачиваемая его разновидность, которая особенно дорого обходится предпринимателям. Следовательно, квалифицированные рабочие должны заменяться неквалифицированными или же рабочими, обученными для работы непосредственно на данном станке. Этот процесс неизбежен и происходит постоянно.

Социализм называет все это «господством вещей над людьми», что означает господство средств над целью (предложением, соответствующим спросу). Он признает, что, в то время как в прошлом существовали индивиды, которые могли бы считаться ответственными за судьбу клиента, крепостного или раба, сегодня это невозможно. Тем самым он нападает не на индивидов, но на организацию производства как таковую.

Любой образованный социалист категорически откажется считать индивидуального предпринимателя ответственным за предопределенную судьбу рабочего, но скажет, что она неотъемлемо присуща системе, в жесткие рамки которой оказываются загнанными все группы – те, кто нанимает, и те, кого нанимают.

Чем же тогда в положительном смысле является по отношению к этой системе социализм? В самом широком смысле слова это то, что часто именуют также «коллективной экономикой» – экономикой, которая, во-первых, не нацелена на получение дохода, и она не предполагает ситуацию, при которой частные предприниматели руководят производством на свой собственный риск. Вместо этого экономика оказалась бы в руках официальных представителей народного синдиката, которые взяли бы на себя задачу контроля в пределах, к обсуждению которых я сейчас перейду. Во-вторых, следствием новой ситуации было бы исчезновение так называемой анархии производства, т. е. конкуренции между предпринимателями…

С другой стороны, исключительно трудным делом является объединение людей, у которых нет ничего общего друг с другом кроме желания покупать или поддерживать свое существование, поскольку в целом позиция покупателя встает на пути социализации. Даже теперь в условиях голода, по крайней мере в Германии, домашние хозяйки в основной своей массе не смогли заставить себя принимать пищу в военных столовых (которую всякий находит вкусной и великолепно приготовленной) вместо своей собственной любительской домашней стряпни, хотя первая намного дешевле.

После всего сказанного я наконец подхожу к разновидности социализма, которой привержено в своих программах большинство социалистических партий, какие существуют сегодня, т. е. социал-демократических партий. Документ, который лежит в основе этого социализма, называется «Коммунистическим манифестом». Он напи-

сан в 1847 г., опубликован и распространен в январе 1848 г. Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. Этот документ, как бы мы не отрицали его критические положения (по крайней мере я так поступаю), по-своему является произведением, отличающимся ученостью высшего порядка. Этого нельзя отрицать и никто не сможет этого сделать, потому что ему никто не поверит, да это и невозможно отрицать с чистой совестью.

Даже в отвергаемых нами сегодня положениях содержится впечатляющее заблуждение, которое в политическом плане имело крайне далеко идущие и, возможно, не всегда приятные последствия. Но в научном плане это произведение дало чрезвычайно стимулирующие результаты, в гораздо большей степени, чем многие правильные до глупости труды. Одну вещь необходимо сказать вначале о «Коммунистическом манифесте»: если не всегда на практике, то по своему намерению он воздерживается от морализаторства. Авторам «Коммунистического манифеста» просто не приходит в голову, по крайней мере, по их собственному утверждению (в действительности они были людьми очень глубоко возмущенными и вне всякого сомнения всегда сохраняли это чувство) поднимать крик о низости и порочности мира. Они никогда не считали, что их задачей является заявить: такие-то и такие установления в мире должны быть устроены иначе, а именно – таким-то и таким образом. Скорее «Коммунистический манифест» является пророческим документом. Он предвещает крах частной промышленной, или капиталистической организации общества и замену этого общества сначала, в качестве переходной стадии, пролетарской диктатурой.

Однако за этой переходной стадией находится подлинно окончательная надежда: пролетариат не может освободить себя от рабства, не положив конец всякому господству человека над человеком. Это действительно пророчество, сердцевина манифеста, без которой он никогда не был бы написан: пролетариат, рабочие массы сначала через своих руководителей захватят политическую власть, но это – переходный этап, который приведет, как известно, к «ассоциации индивидов». Именно такой будет конечная ситуация.

Как будет выглядеть эта ассоциация – об этом «Коммунистический манифест» забывает сказать, как это делается и во всех программах всех социалистических партий. Нам сообщают, что этого мы знать не можем. Может быть только установлено, что наше настоящее общество обречено, оно потерпит крах в соответствии с законами природы и будет на первом этапе заменено пролетарской диктатурой. Но о том, что последует за ней, пока еще предсказать ничего нельзя, за исключением отсутствия господства человека над человеком.

Какие доводы выдвигаются, чтобы показать неизбежность падения по природе вещей существующего общества? Ибо в строгом соответствии с законами природы оно приближается к своему концу. Это было второе кардинальное изречение данного торжественного пророчества, которое привлекало к нему торжествующую веру масс. Энгельс однажды использует образ – точно так же, как в положенное время планета Земля столкнется с Солнцем, капиталистическое общество обречено на гибель.

Какие доводы при этом выдвигаются? Первый заключается в следующем: буржуазия как общественный класс, под которым всегда подразумеваются, в первую очередь, промышленники и все те, кто прямо или косвенно разделяют те же самые интересы, – такой правящий класс только тогда может сохранять свой контроль, если он может гарантировать, по крайней мере, элементарные средства к существованию управляемому классу наемных рабочих. Так, утверждают авторы, обстояло дело с рабством, то же самое было с системой феодальных поместий и т. д. Здесь люди обеспечивались, по крайней мере, голым пропитанием и тем самым мог поддерживаться контроль. Современная буржуазия, однако, не может сделать этого. Она неспособна делать это, потому что конкуренция между предпринимателями принуждает их все дальше и дальше бороться друг с другом путем снижения цен, а с появлением новых машин неизменно выбрасывать рабочих без всякого пропитания на улицу. Промышленники должны иметь в своем распоряжении обширный слой безработных, так называемый «промышленный резерв», из которого они могут в любое время выбрать некоторое число подходящих рабочих для своих фабрик; и этот слой все время создается увеличивающейся механической автоматизацией…

…И больше всех рабочий, естественно, ненавидит мастера, который вечно дышит за его спиной, гораздо больше, чем промышленника, а промышленника, в свою очередь, больше чем акционера, хотя акционер в действительности относится к тем, кто извлекает свой доход, не работая, в то время как промышленник должен проделать очень напряженную интеллектуальную работу, а мастер стоит пока еще гораздо ближе к рабочему.

Нечто подобное встречается также в армии: вообще именно капрал вызывает наиболее сильное возмущение или, вероятно, насколько я смог заметить, действительно случается так. Во всяком случае, эволюция всей классовой системы далека от того, чтобы быть определенно пролетарской.

И, наконец, имеется аргумент, основывающийся на возрастающей стандартизации производства. Все везде, очевидно, стремится – и война в особенности требует этого в высшей степени – к возраста-

ющему однообразию и взаимозаменяемости продукции и ко все более и более широкой схематизации деловой активности. Старый свободный пионерский дух буржуазного дельца сохраняет силу, скажем, только в самом высоком круге предпринимателей и даже там он постоянно деградирует. Следовательно, если развивать аргументацию дальше, существует постоянно растущая возможность управления этим производством, даже не обладая специфическими деловыми качествами, которые буржуазное общество рассматривает как необходимые для руководства. Это было бы особенно верно в отношении синдикатов и трестов, имеющих огромный административный аппарат вместо индивидуальных предпринимателей. Это опять-таки верно, но снова с той же самой оговоркой, что значение класса усиливается этим процессом стандартизации, а именно – класса администраторов, о котором я часто упоминал. Этот класс должен пройти совершенно определенный курс *обучения*, и в результате этого (что также необходимо добавить) он будет обладать определенным *классовым* характером…

…Взяв в качестве отправного пункта надежду на революцию, мы находим два взаимно противоположных взгляда. Первым является представление ординарного марксизма, основанное на «Коммунистическом манифесте». Оно возлагало все надежды на *политическую* диктатуру пролетариата. Считалось необходимым принимать во внимание политическую партийную организацию, неизбежно приспособленную к кампании выборов в качестве средства ее выражения. Партия или политический диктатор, пользующийся ее поддержкой, должны захватить власть и таким путем должна возникнуть новая организация общества.

Оппоненты, против которых была направлена эта революционная линия, нашлись первоначально среди профсоюзов, бывших не более чем тред-юнионами старого английского типа, не имевших никакой заинтересованности в таких планах, поскольку они представлялись слишком отдаленными. Эти организации желали бороться главным образом за такие условия труда, которые делали жизнь сносной для них самих и их детей: высокая заработная плата, короткий рабочий день, рабочее законодательство и т. д. Радикальный политический марксизм обратился против этой разновидности тред-юнионизма, с одной стороны. С другой стороны, он выступил против того, что было названо «мильеранизмом», с тех пор как Мильеран стал французским министром. Это – исключительно парламентская форма социалистической политики компромисса. Как утверждают марксисты, такая политика приводит к тому, что руководители гораздо больше заинтересованы в своих министерских портфелях, а лидеры более

низкого ранга – в приобретении официального положения, чем в революции. Тем самым революционный дух будет убит.

В течение последнего десятилетия, помимо «радикального», «ортодоксального» направления в старом смысле, появилось новое, известное как «синдикализм», от слова «синдикат» – французского названия профсоюза. Точно так же, как старый радикализм стремится к революционной интерпретации политической партийной организации, синдикализм стремится к революционной интерпретации профсоюзов. Его отправной пункт состоит в следующем: нет необходимости ни в политической диктатуре, ни в политических лидерах, ни в чиновниках, которые назначаются этими политическими лидерами; профсоюзы и их федерация, когда наступит переломный момент, захватят контроль над экономикой в свои руки посредством так называемого прямого действия.

Синдикализм берет начало от некоего твердого представления о классовом характере движения. Рабочий *класс* должен стать средством конечного освобождения. Однако, все политики, которые околачиваются по столичным городам, справляясь только о том – как работает то или иное министерство и какой шанс имеет то или иное парламентское направление, являются людьми, озабоченными политическими интересами, а не товарищами. За их заинтересованностью в избирателях всегда стоят интересы издателей и чиновников, желающих нажиться на числе завоеванных голосов. Синдикализм отвергает все интересы, связанные с современной системой парламентских выборов. Только подлинный рабочий класс, организованный в профсоюзы, сможет создать новое общество. И пусть убираются профессиональные политики, которые живут для и, если буквально, от политики, а не для создания новой экономической организации…

…Критическим вопросом является следующий – откуда синдикалисты могут надеяться достать людские ресурсы, способные взять на себя ответственность за производство? Ведь было бы большой ошибкой считать, что даже высококвалифицированный рабочий, даже если он провел на заводе годы и в совершенстве знает условия работы, способен поэтому понимать характер работы *фабрики* как таковой, поскольку на всех современных фабриках управление полностью основано на расчете, поиске рынка, знании его требований и технической выучке. Всеми этими вещами должны постоянно овладевать специалисты; профсоюзные же деятели, настоящие рабочие не имеют абсолютно никакой возможности ознакомиться с ними. Тем самым, хотят они этого или нет, они также должны будут обратиться к не-рабочим, к идеологам из классов, профессионально занимающихся умственным трудом.

И в самом деле замечательно, что, в полном противоречии с утверждением о том, что спасение может прийти только от подлинных рабочих, объединенных в профсоюзную федерацию, а не от политиков или каких-нибудь людей извне, внутри синдикалистского движения, чья основная масса до войны находилась во Франции и Италии, имеется множество просвещенных интеллектуалов. Что же они ищут в нем? *Романтика* всеобщей стачки и *романтика* надежды на революцию как таковую очаровывает их. Глядя на них, можно сказать, что они являются эмоционально незрелыми романтиками, испытывающими неприязнь к повседневной жизни с ее требованиями и изнывающими по этой причине по великому революционному чуду в надежде обрести ощущение силы. Естественно, среди них имеются люди с организационными способностями. Вопрос состоит только в том - захотят ли рабочие подчиниться их диктатуре.

Конечно, в военное время, с невероятными потрясениями, которое оно с собой приносит, принимая во внимание то, через какие испытания проходят рабочие, особенно в условиях голода, рабочая масса может быть возбуждена синдикалистскими идеями и, если в руках рабочих находится оружие, они могут захватить власть под руководством этих интеллигентов, к тому же если политический и военный крах государства предоставляет им такую возможность. Однако я не способен увидеть ни среди самих членов профсоюзов, ни среди синдикалистов-интеллектуалов тех кадров, которые наладят выпуск продукции в мирное время.

Великий эксперимент осуществляется сейчас в России. Трудность состоит, однако, в том, что сегодня мы не можем взглянуть на то, что происходит там, за границей и каким образом в действительности налажено там управление производством. Из доходящих до нас слухов, это происходит так: большевистское правительство, состоящее, как известно, из интеллигентов, часть которых учились здесь в Вене и в Германии и среди которых совсем немного русских, вновь добилось теперь выпуска на тех фабриках, которые вообще работают, 10% продукции мирного времени на основе, если верить сообщениям социал-демократической печати, системы сдельной оплаты, поскольку иначе производство расстроилось бы.

Они оставили промышленников во главе предприятий, поскольку те являются единственными людьми, обладающими знаниями, и платят им довольно значительную компенсацию. Далее, они вернулись к выплате офицерского жалованья офицерам старого режима, потому что они нуждаются в помощи, которую невозможно иметь без опытных офицеров. Будут ли эти офицеры, как только у них снова появятся под рукой войска, продолжать мириться с правительством этих интеллигентов – меня сомнительно. До определенного момента, ко-

нечно, им приходилось бы это делать. В конце концов, по мере отказа от хлебных карточек они принудили бы работать на себя часть бюрократии. Однако в течение долгого срока государственная машина и экономика не могут развиваться таким образом, и эксперимент пока еще не является обнадеживающим. Удивительно то, что эта организация вообще функционирует в течение такого времени. Она оказалась на это способной, потому что является военной диктатурой, правда, не генералов, но капралов и потому что уставшие от войны солдаты, возвращаясь с фронта, находят полное взаимопонимание с жаждущими земли крестьянами, привыкшими к аграрному коммунизму. Или же солдаты с оружием в руках силой захватывают деревни, создают там отряды и стреляют в любого, кто приближается к ним слишком близко.

Это – единственный широкомасштабный эксперимент с «пролетарской диктатурой», который до сих пор имел место и мы можем со всей искренностью дать заверения в том, что с германской стороны споры в Брест-Литовске проводились наиболее лояльным образом в надежде достичь подлинного мира с этим народом. Это происходило по разным причинам: те, кто выступал в качестве заинтересованных групп, стоящих на основе буржуазного общества, были в пользу мира, потому что они говорили – ради бога, позвольте им осуществлять свой эксперимент, он все равно должен провалиться и тогда станет предостережением. Остальные из нас были благожелательны, потому что мы говорили – если бы этот эксперимент оказался удачным и мы бы увидели, что культура возможна на этой основе, тогда мы были бы обращены в новую веру…